

Р.Ю. Виппер

Иван Грозный

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Р11

Р11 **Р.Ю. Виппер**
Иван Грозный / Р.Ю. Виппер – М.: Книга по Требованию, 2021. – 116 с.

ISBN 978-5-517-99201-7

ISBN 978-5-517-99201-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

специальность в этих поисках. Добываясь кратчайшего пути, португальцы огибают Африку и первые достигают подлинной Индии. Испанцы, последовавши за кругосветной фантазией итальянского мечтателя Колумба, встречают на своей дороге новый материк и зарываются в сказочные запасы золота Новой Индии. Англичане, принявшись за дело позднее других и стремясь к путям оригинальным, бросаются на север, чтобы обогнуть Европу и Азию с конца, противоположного движению португальцев. В середине XV в. они основывают „общество купцов-искателей для открытия стран, земель и островов, государств и владений неведомых и доселе морским путем не посещаемых“. Первой же экспедицией этого общества явилось путешествие Чанслора, который в 1553 г. был занесен в Белое море, попал в Москву и завязал правильные сношения с московским государством: англичане открыли для себя новую Америку.

Путешествия англичан втянули и русские земли в водоворот открытий. В Англии заметили скоро, что Москва, помимо своего непосредственного значения в торговле, может служить транзитом к Средней Азии, что по Северной Двине, по Волге и Каспийскому морю можно добираться до Туркестана и Бухары, а там и до самой Индии. Та же идея сухопутного переезда через восточную Европу охватывает воображение старых руководителей торгового движения, венецианцев, генуэзцев, немецких ганзеатов, оттесняемых более счастливыми конкурентами, избравшими своей стихией бурный океан. Генуэзцы добиваются у Василия III права на проезд по Волге и Каспийскому морю в Индию. Ганзейские купцы пытаются оживить свое былое влияние на Балтийском море и подают руку Москве через Ливонию.

Европа высылает накопившуюся в ней беспокойную волюницу, своих самых непоседливых сынов, даровитых, отчаянно смелых, но неспособных к тихой сосредоточенной работе, искателей золота и редких товаров, беспощадных, искусных воителей, неутомимых „морских волков“. Таковы португальцы Альмейда и Альбукарк, испанцы Кортес и Писарро, англичане Дрэк и Ралей. За ними следом идут предприниматели другого рода, промышленники и банкиры старой Европы, большие генуэзские и аугсбургские фирмы, Спинолы, Вельзеры, Фуггеры, в качестве кредиторов и посредников новой заморской торговли. Испанское правительство отдает дому Вельзеров на разработку целую область южной Америки, Венецуэлу. Фуггеры забирают в Испании всю добычу ртути для применения в американских серебряных рудниках.

В то время, как западные нации увлечены заокеаническими предприятиями, восточно-христианская Европа занята борьбой со степняками и расширяет беспредельно свои сухопутные владения. Польско-литовское государство забирает

земли когда-то цветущего, потом совершенно опустевшего края Киевской Руси, черноземную полосу по Днестру и Днепру. Московское государство, образовавшееся между Волгой и Окой, быстро охватывает среднее и нижнее Поволжье, подчиняет себе кочевые племена обширных южных равнин, продвигает вперед за Окой полосу земледельческих поселений, а в то же время устремляется к морям. При Иване IV, покорителе Поволжья и первом строителе русского флота, великорусские промышленники, колонизаторы и воители переходят за Камень (Уральский хребет) и основывают русскую Сибирь.

Как в Польше, так и в Москве эпоха расширения выдвинула замечательных политиков: двух Сигизмундов, I и II, и двух Иванов, III и IV. Ивану Грозному, современнику Елизаветы английской, Филиппа II испанского и Вильгельма Оранского, приходится решать военные, административные и международные задачи, похожие на цели создателей новоевропейских держав, но в более трудной обстановке: талантами дипломата и организатора он, может быть, всех их превосходит. Строгановы и Ермак, покорители Сибири, не уступят Вельзерам и Кортесу. Те и другие принадлежат к расе смелых завоевателей, устремившихся на добычу металла, на исследование неизведанных стран, на борьбу с инородцами за новые колонии.

Оба порыва европейцев к расширению — завоевание заморских обеих Индий и сухопутная борьба с турко-татарскими степняками, сопровождаемая усиленной разработкой громадных пустырей, — как нельзя более тесно связаны между собой. Приморские народы, пускавшие по Атлантическому и Индийскому океанам, добираются непосредственно до редкостных товаров, пряностей, слоновой кости, фарфора, шелка, золота и серебра. Сбывая их на большом европейском рынке, они заводят себе более роскошную обстановку, поднимают цены на все товары и вызывают зависть других наций, занимающих менее выгодное географическое положение; в то же время их предприятия втягивают в торговый оборот области средней и восточной Европы. Пруссия, Ливония, Австрия, Венгрия, Польша, Литва, Новгородская и Московская Русь доставляют Англии, Франции, Нидерландам, Испании хлеб, кожи, сало, дерево, поташ, селитру, мед, воск, которых не хватает приморским странам.

На западной окраине, обращенной к океану, образовался новый колоссальный международный узел, Антверпен: сюда сходились товары индийского подвоза, фламандской, французской и английской промышленности и сырье восточной Европы. Насколько велика была для восточно-европейцев притягательная сила города, расположенного у выхода широкой многоводной Шельды в открытое море, можно судить

по условиям договора, заключенного Грозным со Швецией в 1557 г.: за право шведских торговцев беспрепятственно ездить через Москву в Индию и Китай, московским купцам предоставлялся проезд через Швецию в Испанию, Францию, Англию, Любек и Антроп“ (т. е. Антверпен)!

III.

В XVI в. борьба со степью в полном разгаре, и успех резко колеблется. В 1528—31 г. г. Солиман Великолепный завоевывает Венгрию и осаждает Вену. Обрато в 1552—6 г. г. Иван IV покоряет Поволжье. В свою очередь на эту великую победу христианско-земледельческого государства мусульманский мир отвечает в 1568—71 г. г. походом турок на Астрахань и сожжением крымскими татарами Москвы.

В трудных почти непрерывных войнах с кочевниками восточно-европейские государства перенимают многие черты устройства противника, и как раз те, которые давали ему перевес, когда он появился впервые на европейской территории. Прежде всего они пользуются живой силой страшного врага. На московскую службу, начиная со середины XV в., переходит множество степных князей со своими свитами; правительство привлекает их богатыми подарками, включает их в аристократию своего двора, награждает поместьями и образует из новообращенных военную границу. При этом стараются сохранить военный пыл конных отрядов, отвлекаемых от их родной стихии и в подражание мусульманскому воинству на обширной окраине степей появляется подвижная конница христианских ополчений. Польско-литовская шляхта, венгерская аристократия, московские служилые люди возникли из такого приспособления к военному порядку, сложившемуся в степных равнинах Азии.

Образцом для военных администраторов служило устройство Турции, где спахи, пожизненные владельцы небольших поместий, были обязаны являться по призыву султана и приводить с собою определенное количество всадников, смотря по размеру доходности имения. Московское правительство, может быть, вернее всех других воспроизводило турецкую систему, когда требовало, чтобы помещики с военной границы являлись „конны, людны и оружны“, когда верстало землей „новиков“, т. е. помещичьих сыновей по достижении ими зрелости и по мере вступления их на военную службу.

При громадной растянутости фронта от Альп чуть не до Алтая, при невозможности устроить сплошную загородку в виде стены или вала, христианско-земледельческим государствам приходилось строить укрепленные городки, замки и остроги по всей линии, открытой для нападений. Война с кочевниками часто сводилась главным образом к защите кре-

постей, к обороне от осаждающих войск, а отсюда возникла необходимость держать хорошую артиллерию. Шестнадцатый век выделяется своими изобретениями в области огнестрельного оружия. Рядом с тяжелой артиллерией, пушками, появляется легкая, пищали, а с этим вместе создается новая пехота огневых стрелков.

В казанском и астраханском походах Ивана IV (1552—56) пехотные артиллеристы „стрельцы“, пока немногие числом, образуют, однако, важную силу. В завоевании Сибири Ермаком (1582—1583) пищальники сыграли решающую роль против многочисленных инородцев, незнакомых с огнестрельным оружием. Осады и взятия крепостей—штурм Белграда (1521 г.) и осада Вены (1531) турками, взятие Казани Иваном IV (1552), двукратное падение Полоцка, переходившего из рук Литвы к Москве (1563) и обратно (1579), яростные атаки русских на Ревель в течение Ливонской войны (1558—1578), осада Баторием Пскова (1581)—составляют характерные и знаменитые эпизоды военной истории того времени. Одно из самых эффектных изобретений — подкоп под городские стены, взрываемые порохом—решил в 1552 г. участь Казани.

IV.

Можно было ожидать, что в борьбе со страшным врагом один общий интерес объединит все восточные государства. Однако, между ними возникало больше трений и соперничества, чем налаживалось союзов и согласия. Дания, Пруссия, Ливония, Польша, Австрия, Венгрия, Москва через Новгород и Нарву стремятся урвать свою долю в золотой добыче, прибывающей из Индии и Америки. Чуть ли не главной целью внешней политики становится приобретение торговых монополий и преимуществ, захват морских портов и выгодных проездов.

В политике государств восточной Европы составлялись своеобразные пары, которые то соединялись, то расходились. Австрия сближалась и соперничала с Венгрией, Польша с Литвой, Литва с Москвой. Постоянно скрещивались в этих группах династические притязания. Принцы германского императорского дома выступали претендентами на польский престол, польско-литовские Ягеллоны искали короны венгерской и чешской, входивших в круг владений австрийских Габсбургов. Московский царь, считавший себя законным властителем „всея Руси“, выставляя свою кандидатуру в Литве, которая обладала половиной русских земель. В свою очередь эти притязания вели к соперничеству Москвы с Польшей и вместе к союзу московской династии с другим противником польского государства, австрийскими Габсбургами, а этот союз далее

открывал пути в Москву интернациональной политике римской папской курии.

Сложный клубок международных отношений опутал сетью европейские государства в XVI в. Можно сказать, что со времени падения Константинополя в 1453 г. дипломатия становится в Европе искусством по преимуществу. Правительства выбирают для отправки в миссии к чужим дворам людей особенно бывалых, обладавших различными техническими сведениями: от них требовали подробных известий не только о планах и намерениях высших сфер, двора, при котором они были аккредитованы, но и о внутренней жизни страны, занятиях и нравах народонаселения, о богатстве и производстве, о борьбе партий.

Усиленный спрос на умелых дипломатов создал особую школу и науку. Послы и агенты при миссиях в XVI в. часто выдающиеся бытописатели, географы, этнографы, историки, публицисты, психологи-наблюдатели. Таковы Герберштейн и Флетчер, сочинения которых рисуют обстоятельную картину московского государства в начале и в конце XVI века.

Так как на Западе это была эпоха гуманизма, увлечения образцами античного мира, усиленного изучения греко-римских авторов, естественно встретить в литературе путешествий и описаний блестящий классицизм. Преклонение перед греко-римской древностью проникает и в Москву; при дворе Ивана IV мы встречаем весьма неожиданную генеалогию: государи московские выводят своего предка Рюрика от легендарного Пруса, брата кесаря Августа.

Среди нового политического мира Европы московскому правительству приходилось развернуть не только военно-административные таланты, но также мастерство в кабинетной борьбе. Грозный царь, его сотрудники и ученики с достоинством выдержали свою трудную роль. У них своя ученость, свои предания, свои оригинальные способы доказательства. Они, правда, придерживались более старой школы „византийского письма“, не знали еще лоска светской рационалистической науки, возобладавшей в западных университетах, но когда нужно было, они умели настойчиво защищать права и притязания своей державы, при чем орудовали историческими ссылками и свидетельствами старых летописей с таким искусством, каким, пожалуй, не располагал никто больше в Европе.

V.

Расширение Европы в обе стороны, за океан и вглубь степей, вооружение больших конных масс, усиленное торговое соперничество европейских государств отражается глубокими переменами в общественном и политическом быту. Здесь

нам, однако, придется высказаться против одного укоренившегося предрассудка.

Принято считать, что с наступлением нового времени рост капитализма, развитие денежного хозяйства выдвигает торгово-промышленную буржуазию в то время, как феодально-рыцарское землевладельческое сословие отступает на второй план. Но дело в том, что к XVI веку такая характеристика решительно неприменима. Напротив, купеческие и судовладельческие союзы терпят целый ряд крупных неудач; всюду почти виден подъем, самоуверенная деятельность воителей-землевладельцев, видно превращение как будто косного и малоподвижного рыцаря в энергичного и расчетливого хозяина сельской экономики.

Ф. Кнапп, исследователь судеб крестьянства в Пруссии, заметил как-то, что прусские юнкеры XVI в. впервые почувствовали в своей крови лихорадку предпринимательства. То же самое можно было бы сказать о дворянах Дании, Швеции, Ливонии, Польши, Литвы, Венгрии, Чехии. До XVI в. рыцарь жил большею частью допотопными мелкими средствами в роде судебных штрафов с местного населения, пошлин, сборов за помол, недвижимых аренд с крестьян. Теперь новая торговая политика, выгоды сбыта за границу произведений земледелия и скотоводства и их продажи приморским странам дали ему неожиданный толчек. Владельцы имений не могли не прозреть, какой в их руках великолепный капитал: они принимаются сами хозяйничать, вместо сдачи в аренду увеличивать господскую запашку, округлять имения, разрабатывать пустыри. Слагается фигура помещика, каким его знает Новое время.

Отстраняя посредников в виде городских торговцев, выталкивая с рынка конкуренцию крестьян, принимаются бароны и рыцари сами за торговлю сельско-хозяйственными продуктами. Датское дворянство откровенно нарушает старые городские привилегии, снимает у бюргеров торговлю хлебом и скотом, заводит прямые сношения с Голландией и Ганзейским союзом, строит собственные корабли, на которых пытается вывозить деревенские товары за границу. Еще недавно фактическим хозяином на земле был крестьянин; недавно XIV столетие в Польше слышет золотым веком крестьянства, а Казимир III королем хлопов. Теперь руководящую роль в сельско-хозяйственном производстве решительно забирает помещик; разбивая рамки обычного права, объявляя экономическую войну своему старому сотруднику, крестьянину, рыцари-хозяева принимаются систематически теснить его, отбирают у него всеми способами землю; пользуясь своим научным перевесом, искусно применяя изученные в университетах ухищрения римского права, они идут беспощадными шагами к захвату монополии на земельную собственность,

чтобы свести крестьян на положение зависимых арендаторов и бесправных наемников. Экономическая борьба нередко прямо переходит в войну классов: помещики со своими слугами вторгаются в хутора мелких деревенских владельцев, сносят их дворы, сажают своих холопов на места вольных крестьян.

Но особенно утесняют они крестьянство рабочей системой. Опять нам приходится возражать здесь против одного укореившегося предрассудка: будто крепостное право есть создание варварских Средних веков, оставшееся в виде досадного наследства Новому времени. Напротив, мы утверждаем, что те формы, которые дожили до XIX в., и которые мы знаем за крепостное право, беспощадное, суровое, требовательное, изнурительное, принадлежат исключительно Новому времени.

Средние века знали барщины и оброки, знали пошлыны и поборы рыцаря, опиравшиеся на старые местные обычаи и оставлявшие крестьянину много простора и самостоятельности. Другое дело крепостное право, вступившее в жизнь именно в XVI в. в силу государственного законодательства. Введенное систематическими мерами дворянских парламентов, оно уничтожило вовсе свободу передвижения сельских рабочих, заставило всех жителей деревень рабствовать в узко отграниченных территориях, а главное, крайне повысило „трудовую повинность“. Суть нового „настоящего“ крепостного права в этом крайнем напряжении работы; в качестве террористического орудия производства оно похоже на самые злые формы машинно-индустриального строя XIX века. Как в новейшее время тэйлоризм—последнее слово закрепощения труда на службе неистового фабричного производства, подгоняемого все больше и больше мировой конкуренцией, так точно и крепостное деревенское право вводилось в XVI веке под давлением международной политики, которая представляла поле все возрастающего спора за привозное золото.

Введение крепостного права в прибалтийских странах, в Польше, Чехо-моравии, Венгрии—великий успех преуспевающего дворянства, которое давит на государственную власть, творит и поворачивает закон в свою пользу. Еще дальше идут его победы: в иных странах оно образует рыцарские и шляхетские республики, сводит монархию на призрачную тень; и как раз это—страны наибольшего процветания крепостного права: Дания, Венгрия, Польша, Померания и Лифляндия, последние две—автономные области под слабым протекторатом чужих государей.

VI.

Дворянство в XVI веке переживает свой золотой век, эпоху подъема и тревожной нервной деятельности. Оно соз-

дает парламентские порядки, ограничивает власть государя, укрепляет свое господство бюрократическим строем, выдвигает публицистов, защищающих идею „правового“, т. е. конституционного государства. Из его среды выходят мореплаватели и колонизаторы, искатели торговых путей, исследователи и завоеватели заокеанических стран, политические теоретики, историки и ораторы, агрономы, романисты, богословы и философы.

Юристы и политики дворянства окружены ореолом либерализма, прославления свободы, иногда с оттенком сурового подвижнического республиканства. Они гремят против деспотизма, против тирании одного единственного. Они ревниво следят, чтобы не поднялся против них монарх-народолюбец, чтобы не было сближения носителя верховной власти с низшими классами. Дворянские публицисты, „монархомахи“ XVI в., придали монархической идее тот ненавистный облик цезаризма, который переходит по наследству к революционерам новейшего времени, к менее оригинальным, но более крикливо-поколениям XVIII и XIX вв.

Но в политической обстановке Запада, среди воинственных корпораций и сословий, закрепленных грамот и привилегий, бесконечных сеймовых прений, и нет места демократической монархии; положение государя, который решился бы устремиться в народническую политику, крайне рискованно. Чтобы вступить на такой путь, нужен человек гениальной дерзости; предприятие его будет по неизбежности граничить с преступлением. Тут превращение коронованного лица в злодейского нарушителя божеских и человеческих начал получится силой вещей, а так как тирания „народолюбца“ должна направиться в первую очередь на дворянство; на завоеванную и закрепленную им конституционную свободу, то публицистам, защищающим закон и право, не трудно будет осудить его перед потомством, представить исчадием ада, заклеить на веки греховную демагогию.

В истории XVI в. такой фигурой, окруженной зловещим светом, является Христиерн II датский (родился в 1481, правил 1513—23). Он перешел в память последующих поколений под именем „северного Нерона“, как виновник Стокгольмской кровавой бани, т. е. казни недовольных его воцарением шведских сеньеров. Публицисты и историки, принадлежавшие к господствующему классу, постарались очернить его имя и закрыть все другие его дела этой мрачной страницей. Их озлобление слишком понятно. В эпоху безраздельного господства дворянского сословия Христиерн II пытался завести королевский бессословный даровой суд; он решился беспощадно бороться с морским разбоем, которому отдавались со страстью прибрежные рыцари, и среди них епископы вельможного происхождения.

И не даром впоследствии, когда свергнутый высшими сословиями Христиерн сидел в тюрьме, восстание крестьян и горожан, организованное любекским демагогом Вулленбером, провозгласило его, заточника, народным королем. Незадолго до своего падения Христиерн издал, помимо сейма, указ, в котором звучали неслыханные для шляхетского государства слова: „не должно быть продажи людей крестьянского звания; такой злой, нехристианский обычай, что был доселе в Зеландии, Фальстере и др., чтобы продавать и дарить бедных мужиков и христиан по исповеданию, подобно скоту бессмысленному, должен отныне исчезнуть“. Указ остался на бумаге, как бы завещанием просвещенному абсолютизму, наступившему лишь два века спустя; его автора продержали в крепком заключении в течение 36 лет до самой его смерти.

На Западе и не могло быть другой судьбы для попыток народнической политики. Иные условия открывались в пользу демократической монархии в восточно-европейских полуазиатских странах, где верховная власть держала военных в строгой дисциплине. Обратим внимание на факт чрезвычайно знаменательный: в то время, как крепостное право уже с начала XVI века водворяется последовательно в прикарпатских и прибалтийских странах, обладавших конституционным строем, московское государство, управлявшееся самодержавно, до конца столетия остается от него свободным.

Однако, и в московском государстве высшие слои военнослужилого класса, соблазняемые примером соседей, были не прочь составить оппозицию монархии и ограничить ее в свою пользу. Очень понятно, что в ответ на такие замыслы могла легко сложиться политика, напоминавшая действия тиранна-демагога вроде Христиерна II.

2. Наследство Ивана III.

Из всех восточно-европейских народов наибольшее искусство и энергию в борьбе со степью проявили великороссы, организованные в Московскую державу. Здесь, кажется, сама трудность задачи, необычайно опасное положение на угловой юговосточной окраине, создало великоленную школу.

I.

В непрерывной борьбе с Азией и в постоянном соприкосновении с азиатством, Москва естественно проникалась бытом и понятиями Востока. Правда, московские цари любили ссылаться на римских и византийских императоров, на Августа и Константина; но в их придворном быту, в их управлении не было тех республиканских повадок, которые давали себя знать и в языческом Риме, и в христианской Византии. Московское самодержавие походило гораздо более на восточный халифат, на тогдашнюю Турцию. Сравнение с мусульманским востоком постоянно напрашивалось и русским и западным наблюдателям. Иван Пересветов, подававший проекты и записки Ивану IV об уничтожении аристократии и введении неограниченного правления, ссылается на порядки Махмета-султана, считая их почти недосягаемым образцом.

Турция вообще оказывала чарующее действие на Москву. Не даром московское общество было так падко на турецкие моды. Не успеет Стоглавый собор высказаться против надевания „тафей (шапочек) безбожного Махмета“, как уже автору „Бесѣды Валаамскихъ чудотворцевъ“ приходится стыдить русских людей за ношение шляпов и портов (т. е. полного костюма) турецких, а выписанный в Москву византийский патриот Максим Грек с сокрушением пишет на родину своим друзьям, что скоро москвичи, пожалуй, наденут и чалмы. Эти увлечения восточным одеянием связаны с резкими переменами в быту. Запрещая новый головной убор, Стоглав упоминает, что в Москве появился чуждый христианству обычай входить в церковь в шапках.